

ВЗАИМНАЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ НАРОДОВ ТАТАРСТАНА

И.М. ЮСУПОВ,

доктор психологических наук, профессор,

Т.Н. БАШИРОВА,

директор Центра психолого-педагогической коррекции
и реабилитации «Росток»

Процессы познания, понимания и взаимодействия носят диалогический характер. В этноконтактной ситуации они направлены на представителей иных этносов (аут-групп). Сущность этноконтактной ситуации заключается в субъект-субъектном взаимодействии этнических групп или конкретных их представителей (этнофоров), представляющих интересы своего этноса.

Имманентная цель любой этноконтактной ситуации – установление этнических границ, т.е. очерчивание собственного социально-психологического пространства по сходству и отличиям этнофоров. Этническая граница для индивидов более реальна и социально ощутима, чем границы административные.

Этническая граница – феномен психологический, обнажающий архетипическую (термин К.Г.Юнга) тенденцию человека делить мир собратьев на «своих» и «чужих». Административные же границы для народов Среднего Поволжья условны и имеют больше символическое значение.

Выраженная этническая граница определяется снижением межнациональной толерантности и накладывает ограничения на межэтническое взаимодействие. Обострение интолерантности превращает этническую границу в отчетливую демаркационную линию между соседствующими народами даже в пределах единой территории проживания. Это происходит при дополнении психологического содержания этнического пространства лингвистическими, конфессиональными и территориальными эквивалентами. Наблюдающаяся в таких случаях оппозиционная тенденция поляризует этноконтактную ситуацию. При возникновении противоречий социально-экономического характера между национальными общностями этническая граница искусственно уплотняется и превращается из линии, носящей защитные функции этноса, в политический инструмент этнической дезинтеграции в обществе, в линию столкновения этносов. Создается благоприятная почва для прорастания зерен этноцентризма – этнического самосознания, воспринимающего и оценивающего мир только через призму ценностей и традиций собственного этноса.

Известны основные условия уменьшения этноцентризма в многонациональном государстве [3, 5]: единая цель (общенациональная идея) для совокупности разных этносов на основе кооперативного взаимодействия между ними; равный политический статус этноконтактных групп населения; поощрение межэтнических контактов федеральными властями; психологическая близость этносов, возведенная к уровню

межличностных отношений, вплоть до брачных союзов; создание позитивных установок (социально-психологических установок) при контактах с этнофорами из аут-группы, образ которой расходится с образом ее типичного представителя.

В кризисные периоды существования многонационального государства социальные противоречия в обыденном сознании получают этническую интерпретацию, трансформируясь в проблемы взаимоотношений этнических общностей. Социально-психологическая дистанция между ними возрастает до полного неприятия аутгруппы на своей территории. В конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия эти внешние признаки поведения этнофоров сигнализировали о нарастании межэтнической напряженности в Карабахе, Сухуми, Фергане, Баку, Грозном, которая впоследствии переросла в вооруженные конфликты.

Для полиэтничного региона Среднего Поволжья, в едином политико-экономическом пространстве которого многонациональный Татарстан занимает географически центральное место, вопрос взаимной этнокультурной толерантности населяющих его народов на протяжении минувшего века не утрачивал своей актуальности. Особенно выукло он обозначился в период «парада суверенитетов» распадающегося СССР.

Осознавая политическую значимость этого вопроса, было проведено эмпирическое исследование, цель которого – установление степени взаимной толерантности русских, татар и чувашей – трех национальностей, наиболее представленных в Татарстане по своей численности. Предмет изучения – межэтническая дистанцированность тех же народов Татарстана.

Понятие межэтнической (социальной) дистанции, введенное американским социологом Э.Богардусом в начале XX века [4], характеризует близость (отчужденность) социальных или этнических общностей, групп, отдельных людей.

Таблица 1

Число респондентов из разных социальных слоев населения

Представители социальных слоев	Жители городов	Жители села
Интеллигенция (врачи, учителя, работники культуры и науки)	175	177
Производственная сфера (рабочие строительства, транспорта, торговли)	100	121
Студенты естественнонаучных и гуманитарных факультетов вузов	95	189
В с е г о: 846 чел.	370	487

Каждому анонимному респонденту предлагалось лично для себя установить степень социально-психологического принятия представителя соседствующих народов, отдав предпочтение только одному из предлагаемых критериев. Критерии подавались в вербальном выражении: «Для меня лично возможно и желательно в отношении людей данной национальности (указывалось, какой именно) принять его:

- как близкого родственника, заключив с ним брачный союз;
- как личного друга, с которым разделит бы радости и тяготы жизни;
- как соседа по квартире, дому, даче;
- как коллегу по работе, имеющего такую же, как у меня, профессию;
- как гражданина моей республики со всеми гражданскими правами;
- только как туриста на территории моего проживания;
- предпочел бы не встречаться с ним в моей республике».

Выборка составила в своей генеральной совокупности **846 человек** из разных районов Республики Татарстан (в том числе пограничных с соседствующими областями) в возрасте от 20 до 60 лет.

Измерения проводились в семиградационной шкале интервалов. При обработке эмпирических данных каждой градации приписывалось единственное количественное значение: от +3 (принять как близкого родственника, как супруга) до -3 (отторжение этнофора вплоть до репатриации его за пределы своего этнотерриториального пространства).

Этнопсихологическое взаимоприятие (дистанция межэтнического общения) народов Татарстана подсчитывалось по формуле:

$$\text{ВЭП} = \Sigma(+)/n_1 + \Sigma(-)/n_2,$$

где $\Sigma(+)$ и $\Sigma(-)$ – соответственно алгебраические суммы позитивного и негативного принятия респондентами представителей иной национальности;

n_1, n_2 – соответственно количество респондентов, позитивно или негативно принимающих представителей иной национальности.

Если взаимная этнопсихологическая приемлемость (ВЭП) положительная и более +1,5, это свидетельствует о высокой приемлемости людьми одной национальности представителей другой национальности, о стремлении к интеграции, близости и диффузии культур, об ассимиляционных тенденциях в целом.

При значениях ВЭП, колеблющихся в диапазоне от -1 до +1,49, стремление к интеграции с соседствующим этносом отсутствует, но отношения между народами могут складываться как толерантные.

Если же ВЭП менее -1, это свидетельствует о стремлении соседствующих этносов автономизироваться друг от друга, поддерживая по возможности поверхностные, формальные контакты с конкретными его представителями. При значениях ВЭП от -2 до -3 говорить о взаимной этнопсихологической приемлемости не приходится, отношения между народами конфронтационные с возможными скрытыми агрессивными тенденциями.

Вычисленные значения ВЭП для каждой выборки были представлены в виде векторов, указывающих направление дистанцированности этноса к своему национальному соседу в республике. Отдельно для городской и сельской интеллигенции Татарстана ВЭП показана на рис. 1.

При многоосевом анализе результатов обращает на себя внимание очевидный факт взаимопроникновения национальных культур в кругу городской интеллигенции. При этом тенденции к ассимиляции и интеграции сильнее выражены у чувашской интеллигенции. Это численно подтверждает наблюдения этнопсихологов, зафиксированных в национальных характеристиках чувашей, которые «...отличаются стремлением строить взаимоприемлемые отношения с представителями других народов, заимствовать у них элементы культуры, миропонимания и образа жизни. Они ровны в своем поведении, слабоконфликтны, исполнительны, старательны в выполнении служебных и общественных обязанностей. Для них характерны высокая работоспособность, настойчивость в достижении поставленных целей. Интересы коллектива чувашей обычно ставят выше личных» [2].

Сельская интеллигенция Татарстана менее склонна к интеграции с соседствующими народами в республике, но тем не менее межэтнические отношения толерантны и не опускаются ниже уровня профессионального взаимодействия по шкале E.S.Vogardus. Более всех дистанцируются татарские интеллигенты села, стремясь сохранить национальную самобытность и культуру.

Для сравнения была взята студенческая выборка, представители которой в ближайшем пятилетнем будущем пополнят ряды интеллигенции. Схожая картина обнаружилась у студентов-татар, родившихся и до ранней юности проживших в сельской местности. Уже в юношеском возрасте наблюдается дистанцированность сельских татар от других народов Татарстана (рис. 1,б). Объяснение выявленному факту может быть найдено в онтогенезе человека, когда он до юношеского возраста проходит несколько этапов социализации.

На этапе начальной (дошкольной) социализации ребенок за счет общения с родителями вырабатывает комплекс поведенческих реакций на представителей своего этноса. Если овладение речью происходит в монолингвальной среде, что типично для сельской местности, ребенок усваивает не только значение слов, но и тот эмоциональный фон, который свойствен данной национальной культуре. Элементы этнокультуры «присваиваются» (термин Л.С.Вygотского) ребенком. Происходит интериоризация

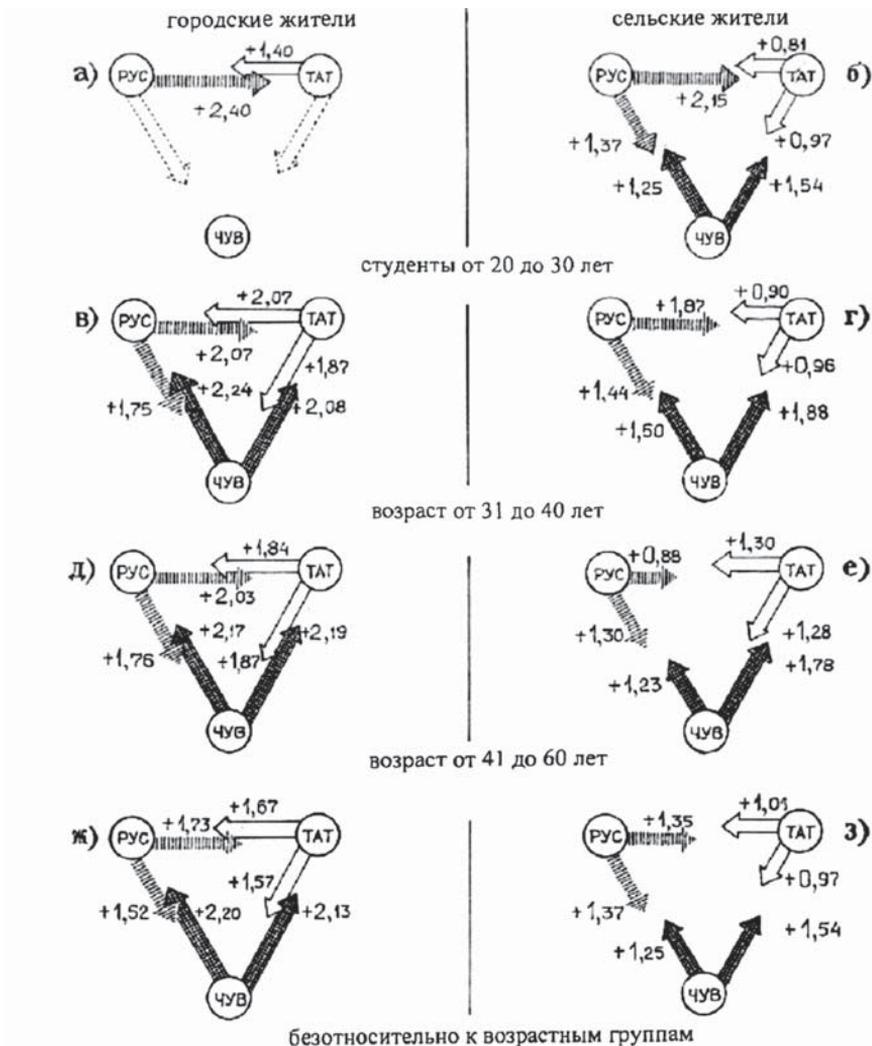

Рис. 1. Взаимная этнопсихологическая приемлемость городской и сельской интеллигенции Татарстана. Дистанция межэтнического общения показана векторами в масштабе

поведенческих стереотипов и вырабатываются этнические диспозиции – готовность к действию, выступающая регулятором социального поведения при столкновении актуальной потребности и жизненной ситуации.

В монолингвальном пространстве сельской местности социальные ситуации не отличаются разнообразием. Ограниченность общественных контактов не способствует развитию собственного эмоционального отношения и гибкого реагирования к проявлению иной (соседствующей) культуры, а замыкается кругом национально-поведенческих стереотипов, базирующихся на народных обычаях. Так происходит становление и закрепление национальных чувств при пересечении актуальной потребности человека и жизненной ситуации.

На этапе школьной социализации этнофор становится сначала зрителем, а затем участником ритуалов национальных традиций, праздников (сабантуй, курбан-байрам и т.д.). Дальнейшее включение ребенка в совместную деятельность по исполнению этнических обычаев фиксирует переживание своей национальной принадлежности как

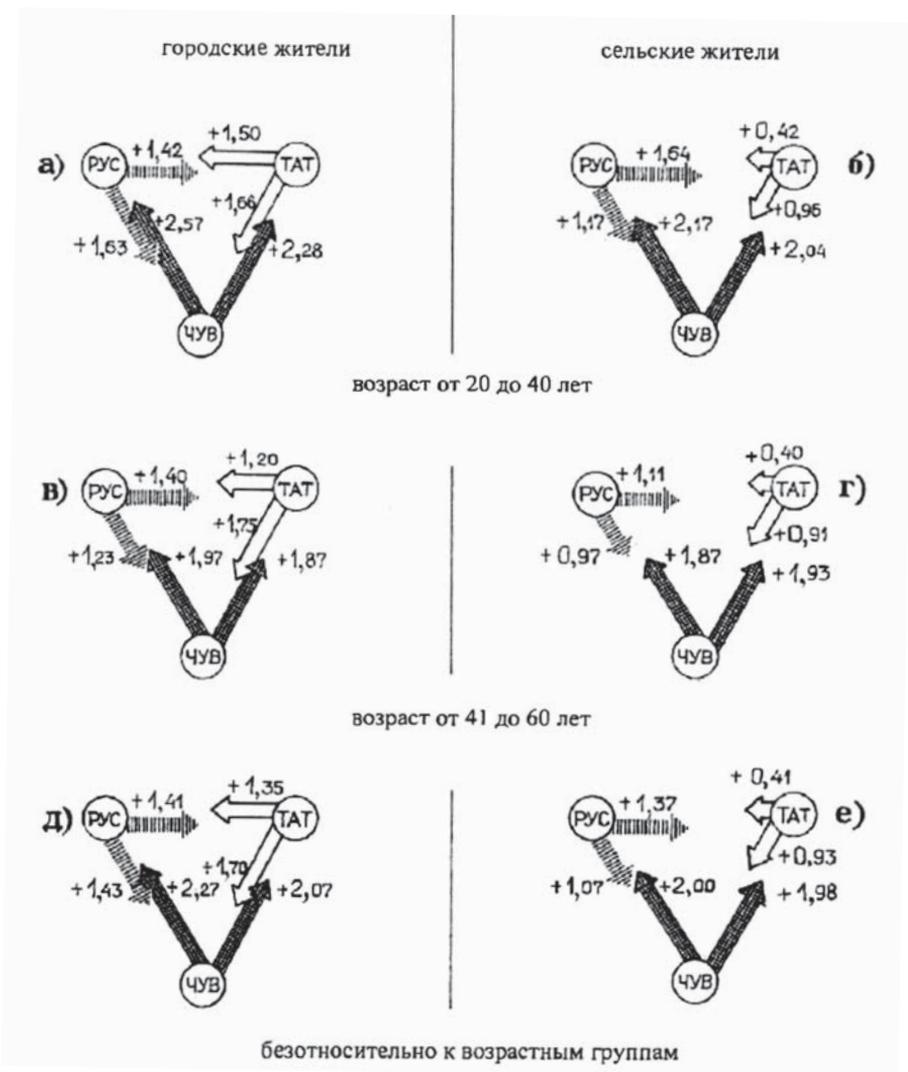

Рис. 2. Взаимная этнопсихологическая приемлемость рабочих производящей сферы экономики в Татарстане. Дистанция межэтнического общения показана векторами в масштабе

ценности. Поскольку аффективная память среди прочих ее видов наиболее устойчива и сохранна, позитивные переживания, связанные с детскими впечатлениями, этнофор проносит через всю последующую жизнь. На этом этапе социализации большее значение имеет аффективный компонент восприятия и памяти. Только к отрочеству возникает когнитивное отношение к факту этнической идентичности – отличия.

На этапе маргинальной социализации после прохождения подросткового кризиса индивид начинает проявлять интерес (включается когнитивный компонент самосознания) к своей этнической принадлежности.

В случае благоприятного развития этноса без дискриминации его представителей этнофор безболезненно идентифицируется со своим народом.

Здесь аффективное отношение уступает приоритетное место когнитивному компоненту самосознания, который позитивно регулирует взаимоотношения с этнофорами из аутгруппы при перемещении индивида из моноэтнической в полиэтническую

среду. При неблагоприятных условиях социализации возникают различные деформации этнического самосознания: от этнофаворитизма до этнонигилизма.

Студент из села, оказавшись в иной языковой среде, даже при удовлетворительном владении государственным языком, на котором проходит обучение в высшем учебном заведении, невольно обретает статус маргинальной личности. Не обладая требуемой для полиэтнического городского пространства этнокультурной компетентностью, он аффективно неадекватно оценивает специфику и условия взаимодействия с этнофорами из аутгруппы, с трудом находит формы сотрудничества с ними для поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия. Непривычная социальная обстановка, иной род деятельности, полиэтническая среда, обилие неформальных коммуникаций, ускоренный в сравнении с селом ритм городской жизни, наконец, отличная от жителей села ментальность горожан, – все в совокупности способствует дистанцированности сельского студента от своих сокурсников – представителей иных народов и жителей городов. Этническая граница обнажается, выступает более выпукло и пробуждает дремлющий этноцентризм. Оказавшись после окончания университетов вновь в монолингвальном пространстве, но уже в статусе сельской интеллигенции, они становятся адептами сверхпозитивной этнической идентичности (рис. 1, б, г, е, з), что воздвигает барьер перед естественной в эпоху глобализации этнокультурной диффузией.

Более рельефно демаркационная линия в этнокультурном (но не в производственном и политическом) взаимодействии татар с другими народами республики проступает у тружеников села (рис. 2, б, г, е). Сравнивая численные значения их дистанцированности с тем же показателем татарской интеллигенции в селе, нетрудно заметить различия в сторону уменьшения толерантности первых к иным многочисленным народам Татарстана. Следует обратить внимание на то, что между разными возрастными группами различий практически не существует, чего нельзя сказать о рабочих производственной сферы городского населения (рис. 2, а, в, д).

Объяснение эмпирически обнаруженному факту можно найти в трудах классиков психологии [1], доказавших определяющую роль деятельности в формировании сознания, в том числе и этнического.

Численные значения скреживающихся векторов ВЭП наглядно демонстрируют этнокультурную диффузию, возникающую в совместной деятельности и исторически детерминированную развитием промышленного производства в республике.

Было бы слишком упрощенно искать объяснение обнаруженному феномену в естественной ассимиляции народов Среднего Поволжья, проживающих в едином экономическом пространстве. Взаимопроникновение их культур имеет тысячелетнюю историю. К тому же следует учесть существовавшую в бывшем СССР организованную миграцию рабочей силы и специалистов на новостройки социализма. На протяжении XX века в Татарстане выросли новые промышленные города с полиэтническим населением до полумиллиона человек. За вторую половину минувшего века мигрантов первого поколения сменили внуки от интернациональных браков, что отразилось на сближении межэтнической дистанции. Подтверждение сказанному обнаруживается в результатах обследования этнопсихологического взаимоприятия жителей культурных и промышленных центров республики (рис.3).

Обращает на себя внимание тенденция чувашской диаспоры промышленных городов Татарстана к сокращению межэтнической дистанции до дружеской близости с соседствующими этносами. Этот факт отражает позитивную направленность диаспоры на кросскультурное взаимодействие в полиэтническом пространстве городов. В совместной продуктивной деятельности категория «национальность», как правило, оказывается подчиненной. Ведущими становятся: социальный статус, профессионализм, возраст, личностные качества. В групповом взаимодействии негативные этнические стереотипы не актуализируются. Они откатываются в плоскость межличностных отношений, где может сказаться предубежденность к личности иноэтнического субъекта. Чем она выше, тем сильнее аффективный заряд отрицательного знака, а в поведении чаще встречаются акты дискриминации к члену этнической аутгруппы. Тогда это может проявляться в увеличении разрыва между декларируемыми принципами равенства и реальным поведением, ограничивающим конкретного субъекта соседствующей этнической общности в его возможностях, правах, привилегиях.

При сопоставлении межэтнической дистанцированности городских жителей Татарстана не обнаружено ни одного численного значения, отражающего их взаимоприятие отдаленнее, чем в степени «коллега по работе, имеющий ту же профессию» (в шкале E.S.Bogardus ей соответствует значение «0»).

При сравнении того же показателя по возрастным группам населения республики высветилась картина, которая в наблюдениях при межличностном общении не очевидна. Для наглядности межэтническая дистанцированность представлена в виде возрастных срезов полиэтинического состава обследованных (рис.4). Видно, что старшее поколение, родившееся до и во время Второй мировой войны, не склонно породниться с иноэтничными соседями и взаимодействует с ними только в профессиональном плане. Родившиеся в 60-70-е годы XX столетия (в эпоху новостроек социализма) и прошедшие социализацию в многонациональной среде, сокращают дистанцированность до добрососедских отношений. Молодежь, появившаяся на свет в последней четверти ушедшего века, готова войти в отношения с этнофорами из аутгруппы ближе, чем просто дружеские.

Статические временные срезы дистанцированности по возрастному признаку свидетельствуют о стремлении молодежи к интеграции в кросскультурном взаимодействии. Семейство же монотонно изменяющихся кривых **лишь ретроспективно** подчеркивает сближение этнических слоев республики за последние два поколения. Экстраполировать наметившуюся тенденцию и прогнозировать усиление взаимно толерантных отношений между народами на этом основании не представляется возможным, поскольку во многом они будут определяться привходящими социально-экономическими факторами и политикой правительства. Обострившаяся в 1990-е годы нетерпимость к русским со стороны титульных наций государств Балтии, Закавказья и других – неоспоримое подтверждение сказанному.

В результате многоосевого анализа этнопсихологической приемлемости народов Татарстана, проведенного по национальным, возрастным и социальным признакам, можно сформулировать выводы:

1. Сложившаяся к 2003 году этнопсихологическая ситуация в Республике Татарстан характеризуется как приемлемая для проживания в ней многоликих этнических общностей и народов Среднего Поволжья.

2. Среди сельских жителей межэтническая дистанцированность проявляется ярче, чем среди горожан тех же национальностей. В количественном выражении статистические различия значимы.

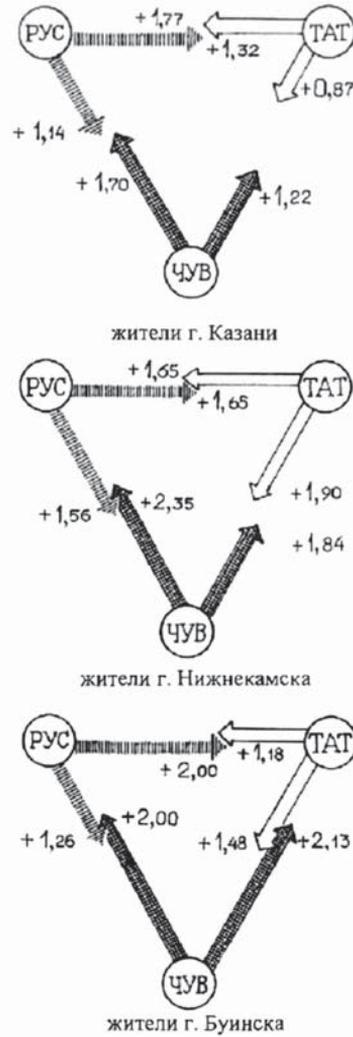

Рис. 3. Взаимная этнопсихологическая приемлемость жителей культурно-промышленных центров Татарстана. Дистанция межэтнического общения показана векторами в масштабе

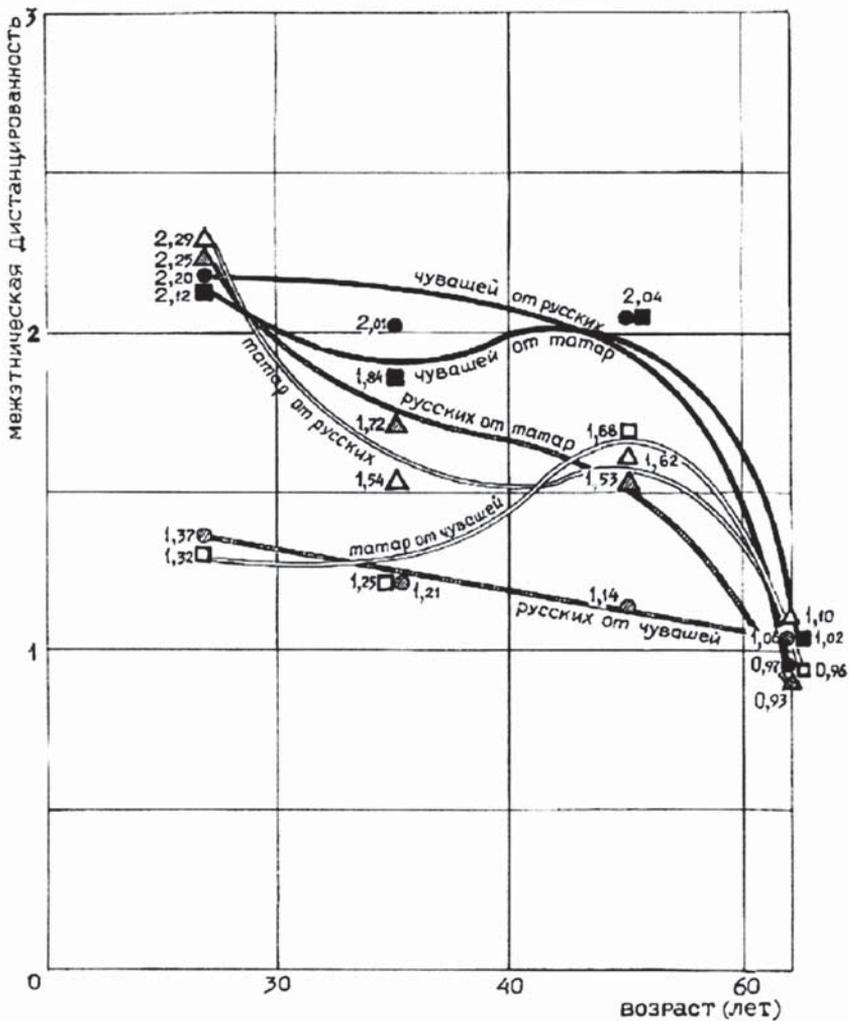

Рис. 4. Взаимная этнопсихологическая приемлемость разных возрастных групп населения у народов Татарстана

3. Наибольшая тенденция к культурной интеграции и ассимиляции с народами Татарстана проявляется у чувашей, наименьшая – у татар.

4. Чем плотнее коммуникации в деятельности, общении и быту между народами, проживающими на ограниченной территории, тем выше их взаимная этнопсихологическая приемлемость и ассимиляционные тенденции. Образовательный уровень населения на показатель межэтнической дистанцированности не влияет.

5. Среди социальных слоев населения Татарстана этническая самоидентификация как защитный механизм сохранения своей национальной самобытности с тенденцией к этноцентризму проявляется у русских рабочих в городах и у сельских татар, работающих в производственной сфере экономики.

6. Наибольшую склонность к интеграции в межэтнических отношениях проявляет молодежь Татарстана в возрасте до 30 лет. Старшие возрастные группы населения республики (родившиеся в годы Великой Отечественной войны и ранее) менее тяготеют к кросскультурному взаимодействию с соседствующими этносами и увеличивают дистанцированность с ними, ограничиваясь профессиональным сотрудничеством с соседями-инородцами.

7. Зафиксированная по состоянию на 2003 год максимальная дистанцированность сельских татар от других народов Татарстана в силу своей устойчивости и межпоколенной преемственности может представлять потенциальный источник межэтнической напряженности при возникновении социально-экономического кризиса, как это произошло осенью 1992 года.

На сегодняшний день межэтническая напряженность среди городского населения Татарстана отсутствует. Массовых деформаций этнического самосознания, известных как феномены этнонигилизма, ксенофобии, у титульной национальности и соседствующих с ней народов не наблюдается. Семисотлетнее взаимопроникновение культур славянских, тюркских, финно-угорских народов сформировало свой уклад жизни, комплементарно сочетающийся в языках, именах, обрядах, нравах, обычаях. Отсюда и берет начало специфическая ментальность, которая может быть охарактеризована как ригидно-толерантная в отношении инородцев и инноваций. Именно поэтому массовая эвакуация разноязыких народов из Белоруссии, Украины, Прибалтики и центральной России в 1941-42 гг. и переселение смешанных семей беженцев из новорожденных государств Центральной Азии и республик Северного Кавказа в 1990-93 гг. не были восприняты титульной национальностью республики как угроза его национальной рафинированности, как покушение на сложившуюся эклектическую культуру.

В толерантных межэтнических отношениях сфокусировались векторы разумной интернациональной, межконфессиональной, образовательной и миграционной политики, проводимой в Татарстане с 1990-х годов. Реиммиграция вынужденных переселенцев, бесконфронтационное сосуществование разных конфессиональных направлений (православия, протестантизма, ислама, иудаизма), численный рост интернациональных брачных союзов, реальная возможность добровольно получить общее среднее образование малочисленным этническим общностям (удмуртам, чувашам) на своем родном языке служат тому доказательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев А.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
2. *Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько.* – М.: МПСИ, 1999. – 343с.
3. *Amir Y.* Contact hypothesis in ethnic relation // *Psychological Bulletin*, 1969. – № 7 / – P / 319–342.
4. *Bogardus E.* Stereotypes versus sociotypes // *Sociological and Social Research*, 1950. – № 34. – P. 286–291.
5. *Cook S.* Interpersonal and attitudinal outcomes in cooperating interracial groups // *J. of Research and Development in Education*, 1978. – № 12. – P. 97–113.